

НЕСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЙ

<...> Я видел в первый раз Некрасова в 1854 году; в начале шестидесятых годов я принял близкое участие в "Современнике", когда он возобновился после закрытия его в 1861 году¹. Это участие продолжалось до окончательного прекращения журнала в 1866 году. После того, - это было в те годы, когда Некрасов издавал "Отечественные записки" с М. Е. Салтыковым и другими,-- я видал его мало, и нередко навещал его во время его последней продолжительной болезни. В первые годы знакомства и сложились мои представления о Некрасове; потом они мало изменились. Многие в этом характере не давало нравственного удовлетворения; но в общем счете и по силе благоприятных впечатлений, в моих впечатлениях скорее преобладали и преобладают симпатии.

Для всякой исторической оценки необходимым основанием должно быть определение условий времени и среды. Для более молодых поколений нашего времени эти условия обыкновенно совсем неизвестны, - или представляются только в общих чертах, без тех реальных подробностей, какие в свое время действовали в жизни каждый день и на каждом шагу. То время, когда складывался характер Некрасова, несомненно наложило на него свой отпечаток. Прежде всего, это было время полного разгара крепостных нравов и бюрократического самовластия. В так называемом обществе человек имел значение прежде всего или по числу принадлежащих ему "душ", или по служебному положению. У Некрасова не было ни того, ни другого. Известны рассказы о том, как он бедствовал, когда беспомощным юношей приехал в Петербург. Домашнее обучение было скудное; между тем он желал поступить в университет... Он не стеснялся своих бедственных воспоминаний и рассказывал, например, как он с грехом пополам учился латыни, необходимой для экзамена, у какого-то учителя из семинаристов, который принимал его в халате, подпоясанный полотенцем, и урок шел за штофом водки; этого учителя он, впрочем, хвалил, это был человек неглупый и учил хорошо². Из этого ничего потом не вышло, потому что для дальнейшего ученья вообще было слишком много препятствий. "Петербургские углы", которые Некрасов описывал впоследствии, были известны ему по наглядному собственному опыту. Таким образом, эта тяжкая и элементарная сторона жизни была одним из первых и довольно продолжительных опытов, какие пришлось ему изведать и которые, конечно, не могли не оставить своего трудно изгладимого следа. <...>

Но в молодом человеке, так тяжело испытываемом судьбою, жило тем не менее решение не покоряться этой судьбе, приобреталось реальное знание жизни; закалялся сильный характер; но вместе с тем он грубел. <...>

Как я сказал, я почти в -одно время познакомился с тем и другим журналом³. У Краевского собиралось по четвергам довольно многолюдное литературное и артистическое общество, очень разнообразное - тут был и всего больше писатели, но бывали также художники, актеры, важные чиновники; в те годы Краевский был одним из самых видных, как бы "представителей печати". Здесь, например, я видел в первый раз А. П. Заблоцкого-Десятовского (еще в конце сороковых годов он поместил в "Отечественных записках" знаменитую статью "О колебании цен на хлеб в России" - это было замечательное, хотя по обстоятельствам времени очень прикрытое указание на ненормальность крепостного права);⁴ здесь бывал В. В. Самойлов; здесь я в первый раз познакомился с И. Ф. Горбуновым, которого тогда вывез из Москвы Островский и который уже на первых порах производил большой эффект и имел успех в разных слоях петербургского общества; здесь бывал Писемский, Д. В. Григорович и пр.; бывали, наконец, и мои знакомцы по исследованиям в старой литературе; гости обыкновенно разбивались на отдельные кружки... Понятно, что этот круг представлял очень много интереса для меня, вчерашнего студента, уже начавшего "литературные изучения"; бывало много неизвестных мне раньше любопытных людей, сообщались литературные и общественные новости, между прочим, в это время готовился, а потом и совершился, столетний юбилей Московского университета, еще небывалое до тех пор научно-литературное торжество, происходил финал Крымской войны.

Совсем иного характера был кружок "Современника". Там не было "журфикса", на который могла собираться многолюдная и случайно соединявшаяся толпа, Сходился только определенный, ближайший кружок, который обыкновенно и соединялся в одном общем разговоре... В первый раз, когда я видел Некрасова, он жил в доме, еще недавно сохранявшемся в том же виде на углу Загородного проспекта и Звенигородской улицы. Здесь у него я встретил в первый раз И. С. Тургенева.

При этом первом знакомстве с кружком редакции "Современника" я уже достаточно знал принадлежавших к нему лиц по их литературным трудам и репутации; уже вперед этот кружок имел для меня самый живой интерес. Действительно, здесь собрались самые лучшие силы тогдашней литературы - притом не в случайной встрече по журнальным делам (как это бывало в редакции "Отечественных записок"), а в сознательном единении, которое внушалось общими литературными взглядами и задачами, сродством художественного вкуса и взаимной оценкой, - и это единение переходило в дружеские отношения; многих (как, например, Тургенева, Григоровича, Анненкова, Боткина) связывало дружество еще со времен Белинского. В литературном отношении "Современник", без сомнения, был лучшим журналом того времени. Здесь начались и продолжались "Записки охотника" Тургенева, оставшиеся самым замечательным его произведением; помещались повести Григоровича (другие, второстепенные вещи его, как "Проселочные дороги" и т. п., помещались в "Отечественных записках") здесь появлялись произведения Гончарова, Дружинина, художественно-критические статьи В. Боткина; в дружеских отношениях с редакцией был П. В. Анненков; далее, Ег. П. Ковалевский, В. П. Гаевский, братья Жемчужниковы и т. д. Нет сомнения, что писатель, которого можно было справедливо назвать писателем-художником, должен был гораздо больше тяготеть к редакции "Современника", чем к "Отечественным запискам". В последних для такого писателя был только один материальный вопрос - вопрос напечатания повести, романа и т. д. и гонорар; здесь, напротив, он мог быть уверен в интересе целого кружка к самому произведению, его художественному значению и общественному смыслу; в случае успеха, он мог ожидать искреннего сочувствия, а также и критики, внушаемой опытным вкусом, -- того и другого всегда жаждет писатель-художник, серьезно относящийся к своему труду. Эти отношения чувствовались и впоследствии, когда я ближе видал редакцию "Современника" и убеждался, что это было действительно так.

Кроме названных лиц, здесь встречались и другие известные писатели того времени: бывал Писемский, Я. П. Полонский; ни тот, ни другой не были, сколько припоминаю, частными посетителями; позднее, едва ли не после известных статей Добролюбова, бывал А. Н. Островский.

Характеры лиц были довольно разнообразны; но в целом это был, без сомнения, лучший литературный круг того времени. В самом деле, в этом кругу в известной степени чувствовалось превосходство над обычною массой тогдашней литературы. И это не было лишено основания: за этим кругом стояло славное предание Белинского и сороковых годов; высокая степень дарований, литературного вкуса и опыта. К этому чувству превосходства присоединилось, вероятно, и некоторое, уже не зависевшее от литературы, барство. Кружок мог напоминать слова г-жи Сталь, что в России несколько "gentilhommes" {Джентльменов (*франц.*)} занимается литературой {<...> Фет, отчасти примыкавший к этому кругу, с некоторой гордостью утверждал, что тогдашняя литература была "дворянская" - он скорбел, что потом в эту литературу вошли "разночинцы", а из прежних деятелей многие изменили "дворянским интересам" (во время освобождения крестьян). (Прим. А. Н. Пыпина.)}. Большею частью это были люди именно дворянского круга, с еще привычными тогда его чертами; последние принимались и другими, у которых дворянское барство заменялось барством купеческим, как, например, у В. П. Боткина.

Самым сильным по таланту и самым крупным по литературному значению (до Л. Н. Толстого) в этом кругу был, несомненно, Тургенев; по уму и общественному пониманию едва ли не превосходил всех Некрасов. Некоторые особенности этих двух характеров бросились мне в глаза, когда я увидел их обоих, придя в первый раз к Некрасову. Некрасов заговорил просто, прямо о деле; обо мне он знал раньше. С Тургеневым у меня дел никаких не было; мое имя он знал и был любезен, но с некоторым, правда, едва заметным тоном покровительства, - быть может, такой тон казался ему естественным относительно молодого человека, впервые вступавшего в литературную жизнь. Эта черта известного, хотя и прикрываемого, высокомерия

иных прямо раздражала. Она, действительно, бывала иногда заметна и, следовательно, неуместна, и я не сомневаюсь, что она, наряду с другими подобными чертами характера, была в числе тех мотивов, которые, несмотря на значительную долю благодушия, уже вскоре стали создавать холодное отношение к Тургеневу - от "Современника" половины пятидесятых годов до "Отечественных записок" времен Салтыкова в семидесятых. Тургенев в кружке Некрасова был интересный собеседник, между прочим, по обширному знанию европейской литературы. Здесь вровень с ним стоял А. В. Дружинин, который, впрочем, особенно увлекался тогда и после "британской" литературой. Бывший гвардейский офицер, кажется, довольно богатый человек, Дружинин держал себя английским джентльменом, строго корректным во внешности и манерах; при всей этой немного искусственной и, по-английски, холодной манере, он был очень хороший человек, --недаром из "британской" словесности он вычитал идею литературного фонда и был первым инициатором нашего учреждения этого имени⁵. Боткин только по временам жил в Петербурге и тогда бывал частым посетителем Некрасова. Когда мы видели его здесь, время дружбы с Белинским давно миновало; характер немало изменился в сторону деловых интересов и приемов; он был тогда главным руководителем богатой фирмы. По-видимому, издавна принадлежала ему свойственная его практической деятельности сухость; он не был приветлив; из молодого поколения он, кажется, не сблизился ни с кем; в особенности он считал себя судьей в деле художественной критики, и немалая опытность у него, несомненно, была. Со старыми друзьями, как Некрасов, Тургенев, у него были короткие отношения, и я припоминаю, как он делал желчные выговоры Тургеневу за его эстетические ошибки. Дело в том, что Тургенев был очень податлив на покровительство молодым талантам. В это время, около половины пятидесятых годов, он отрекомендовал Краевскому одну повесть, о которой наговорил и своим друзьям в "Современнике"; когда повесть явилась в печати, Боткин прочитал ее и обрушился на Тургенева - как он мог видеть в повести какие-то достоинства, которых в ней вовсе, не было,, что нельзя судить так легкомысленно и т. д.; Тургенев не находил оправданий⁶.<...>

Пятидесятые годы, именно их середина, были знаменательным временем в целой новейшей русской истории, временем кризиса в жизни государства и великого перелома в умах общества и даже народа. То был канун и вскоре начало Крымской войны. Литература переживала тяжелое время. -Под гнетом цензуры трудно было сказать что-нибудь живое, стать в какой-либо степени не то что органом, но хотя бы слабым отголоском общественного мнения. Это было то время, когда по внушениям "негласного комитета"⁷, который был настоящим пугалом литературы и самой цензуры, распространилась особенная боязнь печатного слова и преследование всякого намека на критическую мысль... Гроза была неотвратимая, и с нею нужно было считаться, чтобы сохранить существование журнала. Одного специального цензурного учреждения казалось мало: каждое министерство или крупное ведомство "мело особых цензоров из своих чиновников, которые должны были просматривать или целые статьи, или отдельные места, где речь касалась их компетенции, обыкновенный цензор отмечал в посылаемых ему корректурах, что статья или отчеркнутое место должны были быть направлены к особому цензору того или другого ведомства. Сколько помню, тогда насчитывали до семнадцати подобных цензур. Понятно, что такое положение вещей не представляло для редактора журнала ни удобства, ни удовольствия: во всяком случае, это была неприятная проволочка, которой старались избегать... К счастью, специальным цензором "Современника" был тогда В. Н. Бекетов, человек более или менее простой, довольно благодушный и благожелательный. Конечно, сам находясь под ферулой, он не мог уступать и не уступал своих цензорских обязанностей, но, по крайней мере, он не был мелочен и не прибавлял к обязанностям официальным личной придирчивости и каприза. Я много раз встречал его за обедами или ужинами Некрасова.<...>

В тяжелых условиях времени, для журнала, который в конце сороковых годов начат был деятельностью Белинского, невозможно было думать о непосредственном продолжении начатого Белинским. На ту минуту не было и людей, которые были способны к юношескому энтузиазму Белинского, - мы увидим дальше, что случилось с его ближайшим другом Боткиным (который, впрочем, и никогда не был близким участником журнальной работы)⁸. Но так или иначе, завет Белинского не иссяк совсем. Высоко ставилось дело литературы; с делом литературы само собою соединялось (у более серьезных людей) и предполагалось известное нравственное достоинство и общественная обязанность. В журнале соединились лучшие литературные силы; к нему примыкали и несколько замечательных людей другой области, ученые и публицисты. В первое время журнала в нем работал Кавелин; присылали свои труды

С. М. Соловьев, А. Н. Афанасьев, И. Е. Забелин; много работал Владимир Милютин; одно время усердным сотрудником был Ушинский и т. д. В 1853 к блестящей плеяде Тургенева, Гончарова, Григоровича присоединилось имя, или, на первое время, три буквы, которые тотчас привлекли всеобщее внимание⁹. Эти буквы были Л. Н. Т. "Детство", "Отрочество", "Юность" и вскоре затем "Севастопольские рассказы" поставили гр. Л. Н. Толстого в первом ряду русских писателей. О нем самом пока знали только по слухам, и в первый раз в литературных кругах увидели его в 1856 году, когда, после севастопольской осады, он приехал в Петербург; его приняли с распростертыми объятиями...

В этом характере журнала и в этом составе редакции вступил в "Современник" Н. Г. Чернышевский и, года через два потом, Добролюбов¹⁰. Положение вещей было таково. На первый раз вступление Н. Г. Чернышевского в редакцию не произвело на членов кружка особенного впечатления, - но уже вскоре, при всем согласии основных стремлений к успехам литературы, сказалась весьма существенная разница в понимании ее общественного значения. Различие этих оттенков восходило к различию понятий теоретических и общественно-исторических. <...>

Если принять буквально все отзывы Тургенева, Фета и прочих, роль Некрасова была относительно их какая-то предательская: он удерживал в редакции лиц, неприятных старым друзьям, а последних уверял, что ужасно их любит... Некоторые историки и решали вопрос категорически против Некрасова - на основании отзывов Тургенева, Фета и прочих, но, в сущности, наобум...

Вражда между прежними друзьями бывает обыкновенно самая раздражительная и ядовитая. Так было и здесь - со стороны врагов Некрасова, потому что с его стороны не видим такого озлобления. Прежде всего, отзывы Тургенева и его друзей выражали, конечно, их личное мнение, и в этом смысле историк и может приводить его; но было бы слишком поспешно заключать, что это мнение было совсем правильное. Напротив, это мнение очень часто было предвзятое, внушенное раздражительной нетерпимостью, иногда мелочной, которая была, к сожалению, в характере Тургенева, по свидетельству самих его ближайших друзей. Например, Тургенев не однажды говорит о "штуках" Некрасова, состоявших в том, что, не принимая чью-нибудь статью в журнал, он ссылался на "сотрудников", которые, по его словам, этого не желали. Эта ссылка была, по утверждению Тургенева, только "штукой"; в действительности, эта ссылка могла быть совершенно справедлива, потому что, раз предоставивши сотрудникам участие в ведении журнала, Некрасов не мог не слышать их мнений; взгляды во многих отношениях бывали иные, чем прежде, и люди были иногда вовсе не уступчивые, - как прежде, например, Добролюбов, впоследствии Елисеев или Салтыков... Скажем даже больше: Некрасов - в том, что Тургенев называл его "штуками" ("я их знаю")¹¹,-- вовсе не прятался за "сотрудников"; в действительности ему просто приходилось иногда уступать им. Дело в том, что в общем Некрасов соглашался с основным характером их понятий, но во многих частностях, вероятно, с иным не соглашался; иным, быть может, даже несколько тяготился, но предпочитал уступать мнениям сотрудников, чем начинать раздор. Прибавим еще, что в последние годы он вообще был как будто утомлен и меньше работал для журнала, чем в первые годы, когда на нем лежала почти вся тяжесть дела. Источником заблуждения Тургенева было именно то, что Тургенев знал эту прежнюю журнальную работу Некрасова, но он не знал последующего хода дела; в прежнее время Некрасов был главный хозяин и главный работник в журнале; потом болезнь и пребывание за границей прервали его постоянную работу по журналу, а потом, вернувшись, значительную долю этой работы прямо передал сотрудникам. Чернышевский и Добролюбов оба много работали, и Некрасов очень ценил их труды по самому существу.

Здесь, а не в каких-нибудь журнальных мелочах, и заключалась основная причина раздора. В "Очерках гоголевского периода"¹² подробно изучен был ход развития новейшей русской литературы и указано было то ее великое приобретение, что она становилась художественным выражением живой общественной действительности. Высшим выразителем этого момента художественного развития представлялся Гоголь; одушевленным критическим истолкователем его был Белинский. Было совершенно естественно, и вместе чрезвычайно любопытно и поучительно, понять сознательно этот исторический момент, в котором заключалось и указание на дальнейший труд, предстоявший для деятелей русского художества и критики. Естественно также, что критика не ограничивалась только чисто эстетическими

соображениями, но все более обращалась на эту общественную сторону, и когда стало несколько возможно, вопросы общественные стали господствующим интересом. Известно, что Белинский в последние годы его деятельности именно искал для литературы этого реального общественного содержания, и то направление молодых литературных поколений, которое казалось новым, в сущности было развитием мыслей и стремлений Белинского.

Друзья старого кружка редакции этого не понимали. Из дальнейших сопоставлений мы увидим, что новая критика была им неприятна; "политика", то есть вопросы общественные, была неинтересна; "разные экономические вопросы" (а речь шла об освобождении крестьян) просто невразумительны¹³. Словом, интересы молодых поколений, - те самые, которые подняты были в тревожную пору Крымской войны и волновали лучшую часть общества, - были как будто чужды старым друзьям, когда, напротив, для молодых поколений это были интересы животрепещущие.

Но то, что было чуждо или нелюбопытно старым друзьям, было Некрасову вполне понятно,-- и нетрудно было человеку, несколько восприимчивому к общественным вопросам, понять, в годы кризиса Крымской войны, общественное возбуждение; понять, что оно должно было быть тем сильнее в поколениях молодых, всегда наклонных к идеализму и еще не успевших зачерстветь в рутине себялюбия и самодовольстве. Некрасов сумел понять идеалистическое настроение, представителями которого были два новых сотрудника журнала. С другой стороны основой дружеских отношений с ними была собственная деятельность Некрасова: в эти самые годы его поэзия получила тот характер, который и сам Тургенев, не признававший его поэзии, признал в своем отзыве (в декабре 1856) о первом его сборнике: "а Некрасова стихотворения, собранные в один фокус, - жгутся"¹⁴. Так и принимало их в особенности молодое поколение, искавшее наконец в литературе какого-либо ответа на свои общественно-идеалистические мечты и порывы. Здесь была прочная почва для взаимного понимания" Некрасов видел интерес первых работ своих новых сотрудников и естественно мог им сочувствовать. Он видел, что в общественном настроении начинается перелом, - которого давно надо было ожидать, - и что литература, чтобы сохранить свой давний исторический смысл, должна удовлетворить нравственным требованиям общества. Взаимное понимание выразилось в том, что в "Современнике" основан был тогда новый отдел "Заметки о журналах", который доставлял повод касаться различных вопросов, затронутых литературой, и становился публицистикой. Заметки введены были Чернышевским, но (вначале, сколько и я помню) иногда с близким участием Некрасова: есть страницы, начатые одним и продолженные другим {В. П. Горленко, в статье о литературной деятельности Некрасова (в "Отеч. записках", 1878, декабрь) приписал "Заметки о журналах"¹⁵ сполна Некрасову, но это совсем неверно. <...> (Прим. А. Н. Пыпина.)}. Некрасов таким образом непосредственно знал новое направление и во многом сполна разделял его: без сомнения, он понимал значение и своевременность "Очерков гоголевского периода", понимал упомянутый шуточный разбор детской книжки¹⁶, понимал колкое стихотворение Добролюбова после поминального обеда¹⁷ и т. п., видел, что тут есть правда, и вовсе не раздражался... Он сознавал, что более верными хранителями предания Белинского были не собеседники поминального обеда, а люди нового поколения. Очевидно, что Некрасову было нетрудно прийти к этим впечатлениям и заключениям; но этого не могло понять, и помириться с этим, большинство старых друзей. Им представилось, что это только расчет и потом измена старым друзьям; когда при этом Некрасов продолжал высказывать им дружеские чувства, это считали лицемерием и обманом. Взглянув на дело проще, нетрудно видеть, что для человека спокойного разница взглядов, собственно теоретических, несколько не вызвала надобности забыть дружеские отношения, существовавшие многие годы. Несомненно опять, что Некрасов в этом случае вовсе не лицемерил, и когда он старался сглаживать возникавшие столкновения, он оберегал старых друзей, в душе считая их раздражительность неуместною и мотивы - мелочными. Всего больше он был привязан к Тургеневу, и об этой привязанности он говорил мне в последние дни своей жизни, когда я навещал его и когда, в минуты облегчения своих страданий, он обращался к воспоминаниям о старых временах¹⁸.

Примечания

Александр Николаевич Пыпин (1833--1904) - известный историк литературы, профессор Петербургского университета (1860--1861), академик, автор ряда работ о литературно-

общественном движении в России XIX века. Начал печататься в "Современнике" с 1854 года и вскоре стал одним из его постоянных сотрудников. В молодости Пыпин находился под обаянием поэзии Некрасова. В июле 1857 года он писал Чернышевскому из Саратова по поводу первого издания стихотворений поэта: "Когда увидишься с Некрасовым, передай ему мое глубочайшее почтение от моего лица и за много других лиц. Поблаговари его за книжку стихотворений, доставляющую истинное наслаждение его читателям. <...> Да! Теперь Некрасов единственный поэт, которого может слушать порядочная публика..." (ЛН, т. 53--54, стр. 155). В письме от 3 декабря 1858 года чешскому филологу Вацлаву Ганке Пыпин писал: "Из современных поэтов больше всех любим Некрасов. <...> Некрасов подлинный поэт, его поэтическая мысль всегда своеобразна, лишена всякой трафаретности. <...> Мы ценим поэзию Некрасова как наиболее оригинальное и наиболее яркое выражение мыслей современного поколения" (цит. по статье: К. Пушкаревич, А. Н. Пыпин о Н. А. Некрасове. - Ученые записки Ленинградского пединститута имени М. Н. Покровского. Факультет языка и литературы. Вып. I, 1938, стр. 75, 76).

В 1863 году Пыпин стал членом редакции "Современника", а последние два года до закрытия журнала - его вторым ответственным редактором.

Пыпин не вошел в редакцию "Отечественных записок" из-за солидарности с Антоновичем и Жуковским. Он встал на их сторону в конфликте с Некрасовым, поддерживал их денежные претензии (см. прим. 26 к стр. 234), но по-прежнему проявлял интерес к творчеству поэта, к его делам. Получив от Некрасова "Отечественные записки" с поэмой "Княгиня М. Н. Волконская", Пыпин писал ему в январе 1873 года: "... она меня тронула, чего давно не случилось испытывать от последней нашей литературы. <...> Повидаться с Вами было бы мне очень приятно; так давно уже мы не встречались" ("Звенья", V, стр. 506). Он оставил записи своих бесед с Некрасовым во время его болезни (см. стр. 448--452).

Вскоре после смерти Некрасова Пыпин стал собирать материалы для биографии поэта - письма, воспоминания о нем. Особенно его интересовала история отношений Некрасова с Добролюбовым и Тургеневым в период, когда в редакции "Современника" назревал раскол. Летом 1881 года Пыпин получил от Тургенева письма Некрасова к нему.

В декабре 1883 года он обратился к Чернышевскому с просьбой изложить свое мнение о роли Добролюбова в журнале, о его влиянии на взаимоотношения Некрасова и Тургенева (ответ Чернышевского см. стр. 140). Однако его замысел составления биографии поэта не был тогда осуществлен. Пыпин вернулся к нему значительно позднее. В декабре 1902 года он сообщил корреспонденту "Петербургской газеты", что "намерен в самом недалеком будущем приняться за капитальный труд о Некрасове", в который также войдут его воспоминания о поэте (1902, No 345). Работа Пыпина была напечатана в журнале "Вестник Европы" (1903, NoNo 11, 12; 1904, NoNo 3, 4). Во вступительной статье к публикации писем Некрасова к Тургеневу Пыпин сформулировал свое отношение к поэту: "Я знал Некрасова давно; очень близок с ним я не мог быть, - слишком велика была уже разность поколений, - но я довольно близко его видел в делах журнальных. Не все мне было симпатично в этом характере; но большой ум, многие черты поэзии, тонкий литературный вкус были привлекательны; во всяком случае, это было замечательное лицо, о котором должна быть сохранена историческая память" (ВЕ, 1903, No 12, стр. 567).

Печатается с сокращениями по книге. А. Н. Пыпин, Н. А. Некрасов, СПб. 1905, стр. 7--15, 19--21, 34--39.

¹ Стр. 114. Издание "Современника" было приостановлено правительством на восемь месяцев в июне 1862 г.

² Стр. 114. См. прим. 2 к стр. 42.

³ Стр. 115. Речь идет о журналах "Современник" и "Отечественные записки", издаваемые А. А. Краевским.

⁴ Стр. 115. Статья экономиста А. П. Заблоцкого-Десятовского "Причины колебания цен на хлеб в России" была опубликована в 1847 году (ОЗ, NoNo 5 и 6). Белинский в обзоре "Взгляд на русскую литературу 1847 года" (1848) отнес ее к "замечательнейшим явлениям нашей ученой литературы прошлого года" (*Белинский*, т. X, стр. 354).

⁵ Стр. 118. Идею Литературного фонда ("Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым") А. В. Дружинин выдвинул в статье "Несколько предложений об устройстве русского литературного фонда для пособия нуждающимся лицам научного и литературного круга" (1857). Он сослался на английский пример: "Literary fund". Литературный фонд в Петербурге был учрежден в 1859 г. В 70-е годы в его работе активное участие принимал Некрасов.

⁶ Стр. 118. Вероятно, речь идет о повести К. Н. Леонтьева "Немцы", опубликованной ("Московские ведомости", 1854. NoNo 6--10), под названием "Благодарность". Тургенев тогда покровительствовал К. Н. Леонтьеву.

⁷ Стр. 119. 27 февраля 1848 г. для надзора за газетами и журналами был учрежден секретный комитет под председательством морского министра князя А. С. Меншикова. Его деятельность продолжал "Комитет 2-го апреля" ("Бутурлинский", по имени первого председателя, Д. П. Бутурлина). "Негласный комитет" стал вдохновителем цензурного террора в период "мрачного семилетия" (1848--1855). Некрасов писал о "негласном комитете" в поэме "В. Г. Белинский" (1855):

Скрутили бедную цензуру -
Послушав, наконец, клевет,
И разбирать литературу
Созвали целый комитет.
По счастью, в нем сидели люди
Честней, чем был из них один,
Палач науки Бутурлин...

⁸ Стр. 120. А. Н. Пыпин имеет в виду идейные позиции В. П. Боткина. Пыпин писал, что Боткин "из романтического прогрессиста в сороковых годах" "в половине пятидесятых" превратился "в обскуранта" (А. Н. Пыпин, Н. А. Некрасов, СПб. 1905, стр. 65).

⁹ Стр. 120. Первое произведение Л. Н. Толстого "Детство" было напечатано в "Современнике" в 1852 г.

¹⁰ Стр. 120. Чернышевский начал сотрудничать в "Современнике" в 1854 г., Добролюбов - в 1856.

¹¹ Стр. 121. Перефразированные слова из письма Тургенева Я. П. Полонскому от 22 февраля 1868 г.: "Штука, которую выкинул с тобой Некрасов, нимало не удивила меня: я его слишком хорошо знаю" (*Тургенев*, Письма, т. VII, стр. 72).

¹² Стр. 122. "Очерки гоголевского периода" Чернышевского были опубликованы в "Современнике" в 1855 г. (No 12) и 1856 г. (NoNo 1--2, 4, 7, 9--12).

¹³ Стр. 122. А. Н. Пыпин в данном случае, по-видимому, излагает мнения В. П. Боткина и А. А. Фета.

¹⁴ Стр. 123. Цитата из письма Тургенева Е. Я. Колбасину от 14(26) декабря 1856 г.

¹⁶ Стр. 123. "Заметки о журналах" печатались в "Современнике" в 1855--1857 гг. Их авторами были Чернышевский, Некрасов, Добролюбов и др. См.: В. Боград, Журнал "Современник". 1847--1866. Указатель содержания, Гослитиздат, М. --Л. 1959.

¹⁶ Стр. 123. А. Н. Пыпин в опущенной здесь части воспоминаний писал о рецензии Чернышевского "Новые повести. Рассказы для детей" (С. 1855, No 3), в которой критик полемизировал с приверженцами теории чистого искусства.

¹⁷ Стр. 123. Речь идет об обеде в память Белинского, который послужил поводом для обличительного стихотворения Н. А. Добролюбова "На тост в память Белинского. 6-го июня 1858 года". Стихотворение осуждало либералов, порвавших с традициями Белинского,

¹⁸ Стр. 124, См. стр. 444--448.